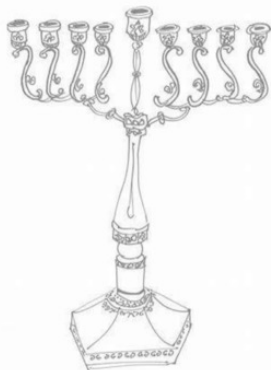

ЦВ И МИРКИН

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ
ГЕБРАИСТИКА

Цви Миркин

Занимательная гебраистика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23462091

ISBN 9785448393143

Аннотация

Эта книга – сборник публикаций автора в рижском журнале «Ригас Лайкс». Тема – современный иврит. Жанр – филологический, исторический и даже философский стёб. Претензия на научность – весьма относительная. Знание иврита и филологическое образование для чтения совершенно не нужны.

Содержание

Предисловие	5
О роли городского сумасшедшего в истории иврита	8
О слиянии бюрократии и искусства	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Занимательная гебраистика

Цви Миркин

Редактор Свен Кузминс

Литературный редактор Анна Трудолубова

Дизайнер обложки Том Трейбергс

Предисловие Свен Кузминс

© Цви Миркин, 2017

© Том Трейбергс, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-9314-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Иногда говорят, что хорошая мысль приходит к человеку целиком и сразу. Даже Веничка Ерофеев утверждал, что писал книгу «Москва—Петушки» «нахрапом» – взял, придумал и чуть ли не на одном дыхании наверстал целый ряд мыслей на одну прочную идею. Однако это не противоречит давно известному и не раз проверенному на практике утверждению из той же книги, что в жизни все должно происходить медленно и неправильно. Именно так появилась рубрика «Занимательная гебраистика» – медленно, неправильно, но при этом совершенно внезапно.

С ее сотворением вообще связана довольно разветвленная история. Началось все с того, что Цви Миркин в шутейном разговоре поставил редакцию журнала «Rīgas Laiks» в известность о наличии в иврите слова «кибенимат». Нетрудно догадаться, что данный термин обозначает некое абстрактное пространство или направление, куда в случае необходимости посылают, причем не только носителей современного иврита. Также нетрудно догадаться о происхождении этого слова. Редакция, будучи неподцензурным оплотом живого русского языка, сошлась на мнении, что это прекрасно, и поинтересовалась, есть ли в иврите ещё похожие случаи. Цви заверил, что есть. В итоге он написал длинную-таки статью о таинственном Кибенимате в частности и рус-

ских словах в иврите в целом. Статья довольно долго пролежала в редакции. Ходят слухи, что на одном культурном мероприятии автор (уже под утро) встретил одного из стражей живого русского языка и спросил: «Ну, как там моя статья?» на что получил прозаический ответ: «Да говно твоя статья, пойдем лучше коньяку выпьем». Коньяку выпили, о статье подзабыли. Хотя это не совсем верно. Время от времени о ней вспоминали, но не могли понять, чего же в ней не хватает. И тут я зашел в широко известное в узких кругах кафе «Muklājs», которое Цви иногда обозначает кодовым названием «известное место», и у нас с ним завязался разговор на тему рождения нового языка. За пределами филологического сообщества бытует представление, что новый язык рождается при участии неких высших сил в условиях исключительной духовности и почти без вмешательства человека. Однако на практике и этот процесс движется медленно и неправильно. Мало того, простой язык повседневного обихода рождается в народе, а народ, как правило, не всегда озадачивает себя скрепами рациональности и филологическими изысками.

Слово за слово, мы пришли к выводу, что история одного языка требует многосерийного изложения. Некоторого рода целенаправленности во времени. И идея «Гebraистики» тут же нахрапом возродилась и была перенесена в пространство интернета – ближе, что называется, к общественности, в «известные места». Древний язык, постепенно обретаю-

щий современную форму, в некотором смысле сам превратился в литературного героя. А то, что по средам публикуется на сайте rigaslaiks.ru под лозунгом «Занимательная гебраистика», уже к своему четвертому выпуску обрело собственную форму и естественным путем превратилось в самобытный мини-жанр филологического юмора.

Собственно, жанр продолжает существовать не только в интернете. В этой книжке собраны первые тридцать выпусков «Занимательной гебраистики», охватывающие происхождение самых важных и необходимых понятий в современном иврите – фамилий, автомобильных запчастей, официальных званий, близких родственников, терминологии вселенной «Звездных войн» и, помимо прочего, Кибенимата. Куда уж без него.

Свен Кузминс

О роли городского сумасшедшего в истории иврита

Оноре де Бальзак писал в романе «Отец Горио»: «Одним из преимуществ славного города Парижа является возможность в нём родиться, жить и умереть так, что никто не обратит на вас внимания». Элиезер Бен-Йехуда родился не в Париже, а в местечке Лужки Виленской губернии. Умер он вообще в Иерусалиме – столице, на тот момент, британской подмандатной территории Палестина. В Париже он только жил, причём недолго – с 1878 по 1881 год. И за эти три года сполна использовал возможность быть никем не замеченным. Заметили его позже – когда он переехал из Парижа в Иерусалим и выдвинул совершенно сумасшедшую идею.

Он предложил евреям перейти на иврит в повседневном общении. Евреи, услышав об этом, покрутили пальцами у виска – иврит многие, конечно, знали, умели на нем читать и даже писать, но идея обсуждать на нем бытовые вопросы – типа цены на огурцы в ближайшей лавке – не приходила никому в голову почти пару тысяч лет, с тех пор, как население римской провинции Иудея незаметно перешло с иврита на арамейский.

А при чем, собственно, тут Париж? Да при том, что именно в Париже Бен-Йехуда, судя по его собственным воспо-

минаниям, впервые в жизни побеседовал на иврите. Просто так, со знакомым в кафе. И именно там он написал (причем, на том же иврите) статью, в которой впервые предложил начать использовать иврит в повседневной жизни. Статью, в полном соответствии с высказыванием Бальзака, практически никто не заметил, но ее автор оказался весьма настойчивым.

Из Парижа – одного из центров мира – он переехал в Иерусалим, захолустный город захолустной провинции неуклонно приближающейся к закату Османской империи. Жившие там евреи отлично знали, что иврит – священный язык, на котором негоже говорить о низменном. Приехав в Иерусалим, Бен-Йехуда немедленно шокировал общество, объявив, что будет пользоваться в повседневной жизни только ивритом. И стал настаивать, чтобы в школе, куда он нанялся работать учителем, часть предметов стала преподаваться на иврите. Даже с новорожденным ребенком он говорил только на иврите – чтобы тот стал первым за почти две тысячи лет евреем, родным языком которого будет иврит. Вот тут-то его и заметили.

Большинство, как уже было сказано, покрутило пальцем у виска, решив что речь идет об очередном городском сумасшедшем – а некоторые даже сочли его ниспровергателем устоев. Нашлись, однако, и такие, которые отнеслись к его идеям с некоторым интересом, но отметили наличие весьма серьезной технической проблемы – в святом языке баналь-

но не хватало слов. Бен-Йехуда и сам обратил на это внимание – он смог бы объяснить ребенку сложные теологические вопросы, но пока что были актуальны вещи гораздо более простые. Например, слов, обозначающих «куклу» или «мороженое» в иврите просто не было. Проблема была решена в стиле, свойственном Бен-Йехуде – он занялся усовершенствованием правил словообразования и изобретением новых слов.

Бен-Йехуда придумал более двухсот слов, большинство из которых используется в иврите до сих пор. А еще он начал составлять полный словарь иврита. Придумывая же новые слова, он успел охмурить еще нескольких человек, составивших вместе с ним «Комитет языка иврит». Теперь они придумывали слова вместе. А еще они стали издавать еженедельную газету – само собой, на иврите. Через неё они, в частности, знакомили общественность с придуманными ими неологизмами.

Дело продвигалось не особо быстро – в лучшем случае каждые несколько лет им удавалось убедить перейти на иврит примерно одну семью. Но, как обычно и бывает, помогли непредвиденные и напрямую не имеющие отношения к возрождению иврита обстоятельства. В Российской империи прошла волна еврейских погромов, и немалое количество молодежи, уже ознакомившейся с появившейся незадолго до того идеей сионизма, отправилась в Палестину. Где ими и была горячо воспринята идея Бен-Йехуды о том, что

иврит – единственный язык, объединяющий все еврейские общины. Неожиданно на иврите заговорило гораздо большее количество людей. Язык распространялся настолько хорошо, что в 1921 году англичане, получившие мандат на управление Палестиной, объявили иврит одним из трех её официальных языков. Бен-Йехуде и его сторонникам пришлось еще более активно заниматься приспособлением языка к реалиям XX века. Как это делалось – тема для отдельного разговора.

О слиянии бюрократии и искусства

Бенджамин Дизраэли как-то заметил: «Великий город, образ которого живет в памяти человечества, представляет некую великую идею. Рим символизирует завоевание; над башнями Иерусалима витает Вера; а Афины воплощают исключительное качество античного мира – Искусство».

Во времена Дизраэли в Иерусалиме действительно преобладала вера – даже османский губернатор Палестины располагался не в Иерусалиме, а в Рамле – заштатном городишке недалеко от побережья. Роль градообразующего предприятия играли святые места трех религий, а еврейское население Иерусалима, относительно небольшое, в основном посвящало время молитвам. Жизнь текла тихо, спокойно и неторопливо, но тут в городе появился возмутитель спокойствия – Бен-Йехуда, а вслед за ним и другие дополнительные переселенцы, не желавшие встраиваться в традиционный ритм жизни города. Одной веры им явно не было достаточно – они предпочитали искусство и науку, по непонятным причинам не упомянутую Дизраэли. Причем искусством и наукой они стремились заниматься исключительно на иврите.

Но словарного запаса древних или средневековых текстов на иврите, и слов, придуманных Бен-Йехудой, для этого не хватало. Когда вокруг Бен-Йехуды собралась группа по-

следователей, они образовали «Комитет языка иврит» и поставили изобретение новых слов на поток. Темп работы резко ускорился после того, как в 1921 году британский Верховный комиссар Палестины объявил иврит одним из трех официальных языков подмандатной территории. На иврит была переведено делопроизводство – для этого были необходимы слова, которые в древней Иудее явно придумать не могли. Трудно представить начальников управлений, писавших во времена Хасмонеев инструкции и докладные записки.

В 1925 году был сделан еще один шаг, приблизивший Иерусалим к данному Дизраэли определению Афин – был основан университет, полное название которого – «Иерусалимский ивритский университет». Так как университеты состоят не только из студентов и профессоров, но и из управляющего персонала, можно сказать, что новая институция объединила две могучие силы – искусство и бюрократию. Кстати, перечисляя великие идеи, бюрократию Дизраэли упомянуть забыл – хотя есть основания полагать, что появилась она никак не позже других великих идей, если не раньше. Волшебную же силу искусства, помноженную на мощь бюрократии, остановить уже ничто не могло.

Принцип был прост – чем меньше неивритских слов, тем лучше. Проблема отсутствия нужных слов в иврите решалась проверенным методом, предложенным Бен-Йехудой – слова придумывались. Их, конечно, не брали с потолка – хотя и так тоже бывало. Часть слов создавалась по существу-

ющим ивритским правилам словообразования. Когда имеющихся правил не хватало – придумывали новые. Часть – путем банальной кальки с какого-либо европейского языка, но с использованием ивритского корня. В ряде же случаев проблема решалась при помощи изменения «традиционного» значения – так, словом «алуф», обозначавшим в древности племенного вождя, стали именовать генералов в армии и чемпионов в спорте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.